

Платов Антон

Сказка о старых пароходах

Антон Платов

СКАЗКА

О СТАРЫХ ПАРОХОДАХ

1

Пароход оказался старше, чем я думал, и значительно лучше. Он был просто замечательный. Собственно говоря, не был он, конечно, пароходом в полном смысле этого слова - стоял на нем нормальный судовой дизель, работающий на банальной соляре. Но никакого значения это не имело.

Называть все моторные суда "пароходами"

приучили меня в Севастополе, где я, окончив Университет, работал несколько лет на океанографических судах. Впрочем, забредший в севастопольскую бухту белоснежный пассажирский лайнер именовался теплоходом легко и свободно. Но уже впервые поднявшись на палубу первого своего гидрографа - местами обшарпанного, с пятнами темного корабельного сурика там, где облетела краска, - я сразу почувствовал, что обозвать его "теплоходом" язык у меня не повернется. Судно, корабль, "борт" - как угодно, но только не чистенькое и самодовольное "теплоход". А потом оказалось, что все, начиная с кэпа и заканчивая помощником кока, называли судно по старинке, тепло и ласково - пароход.

Из Севастополя, вдоволь наплававшись по теплым южным морям, попал я в долгую командировку на север - на съемку низовьев и устья затерянной в лесах и болотах реки Кичуги.

Новые коллеги, с коими я познакомился еще в Москве, сразу предупредили, что плавсредство нас ожидает "не то что в ЮжМорГео или в севастопольском институте"... Я живо представил себе разваливающийся на ходу рабочий катер, на каком ходил однажды во время студенческой практики. На деле же все оказалось совсем не так.

Судно, на котором мне предстояло проработать некий неопределенный срок, я увидел, когда мы добрались, наконец, до базы в полусотне километров от устья Кичуги. Это, несомненно, был самый настоящий "пароход", не катер. Пусть и древний, как сама гидрография, плавучей рухлядью он не казался. Сразу подумалось, что где-то я его уже видел; вернее - я не подумал об этом, но - как-то почувствовал.

По хлипким сходням вместе со мной на борт поднялся начальник партии, чтобы познакомить с капитаном. Тот скрывался где-то в железных недрах парохода - "в машине", - и начальник мой покинул меня, чтобы вытащить капитана на свет божий.

Я остался на палубе. Прошел на корму, облокотился на перила и стал смотреть на темную воду Кичуги.

Перила! Вот тут-то и пробило меня воспоминание.

Конечно, этот пароход я видел впервые.

Но зато я хорошо знал его брата-близнеца. Полные обводы; прямоугольная, похожая на домик с плоской крышей, рубка; плавно закругленная корма, какую не часто увидишь на современных судах этого типа, завершающихся резким обрывом транца. И перила на корме - обыкновенные деревянные перила на стойках вдоль бортов - вместо привычных тросовых ограждений или фальшборта. С близнецом этого патриарха северной гидрографии я познакомился в детстве. Назывался он, кажется, "Сергей Есенин", и лежал, полузатопленный, у берега Клязьмы, неподалеку от дебаркадера речной пристани. Когда-то он возил по реке

немногочисленных пассажиров, а когда оказался слишком стар, очутился на теперешнем своем месте.

С берега, оттуда, где кончалась пробитая мальчишками в густом ивняке тропинка, на задранный над водой ют пароходика была перекинута доска. Перейдя по ней на борт отслужившего свое судна, можно было, облокотясь на эти самые перила, смотреть на воду и радоваться, ощущая под ногами настоящую палубу настоящего, пусть и не морского, судна. Появлялось ощущение - я помнил его очень четко, - что вот-вот случится что-то такое...

Предавшись воспоминаниям, я не заметил, как появился начальник с моим новым капитаном.

2

Работа мне понравилась.

Впрочем, в поле - будь то в море или на суше - в поле собственно работа по специальности настолько сливается с бытом, с отношениями с коллегами, а "рабочие" мысли - с "нерабочим" ощущением близости окружающей тебя природы, что разделить впечатления от всего этого бывает непросто. Здесь, на Кичуге, все было как-то спокойно, негромко, неброско - не вспыхивали под бортом светящиеся медузы, не отражался в черной воде невероятно яркий южный Млечный путь, и штормовой ветер не бросал на фальшборт изумрудные валы, увенчанные шапками белой пены. Но уже спустя месяц я поймал себя на том, что думаю, как буду потом скучать по здешним темным лесам, и серым рекам, и ручьям, звенящим по камням и замшелым стволам поваленных деревьев.

И, конечно, - по старому пароходу...

...Начальника партии мы видели нечасто.

Большую часть времени он проводил либо на базе у наших сухопутных коллег-геологов, либо - в далеком районном центре, откуда прилетал за ним геологический "борт" - вертолет. Приехавшие со мной москвичи появлялись на пароходе редко, только чтобы набрать полные ящики донных проб и потом неделю копать с ними на берегу. Так что на пароходе я неожиданно оказался почти суперкарго, то есть лицом, не подчиненным никому, кроме себя самого, производственной необходимости и капитана - в случае опасности для судна.

С капитаном, сухоньким крепким стариком, мы быстро нашли общий язык. Мы бороздили воды Кичуги от базы и до устья, заходя в небольшие ее притоки, и иногда не возвращаясь на базу на ночь. Такие ночи были особенно хороши; вся команда парохода - мы с кэпом да двое пожилых матросов - собирались в маленькой кают-компании, кэп доставал припрятанную поллитровку, а я флягу спирта; неторопливо опускалась за иллюминаторами в медной оправе ветреная северная ночь, и был бесконечный чай и долгие разговоры...

А в один из наших рейдов, уже порядком изучив низовья Кичуги, я вдруг обнаружил неизвестную мне до тех пор протоку.

Был день, обычно-прохладный, с обычными полуденными тучками. Мы шли вдоль правого берега. Я стоял в рубке возле кэпа и привычно поглядывал вперед, на темную ленту реки и высокую стену дремучего леса по берегу. Какое-то странно кривое дерево задержало на мгновение мой взгляд, и тогда я увидел устье этой протоки.

По здешним меркам, она была очень узка - метров десять шириной; деревья по ее берегам росли разве что не из воды, и склонялись к водяному зеркалу, почти закрывая над ним небо.

Под острым углом уходила протока вглубь берега, и потому с реки увидеть ее можно было с того места, где шел сейчас пароход.

Вода в протоке была темна и спокойна, будто зачарована, и даже волны, заходящие с реки, быстро гасли в ней.

Словно некая дорога, лежала она, и мне показалось вдруг, что, сверни мы сейчас на эту

дорогу, она приведет нас к тайным лесным озерам с волшебными островами и еще бог весть к каким чудесам.

Очарование не рассеялось, даже когда пароход покинул ту область, из которой протока была видна, и устье ее потерялось среди берегового леса.

Я спросил о протоке у кэпа.

- Да глухая она, - сказал тот, махнув рукой, - кончается через пару верст. Может, старица какая, может еще чего...

Я был так обижен за свою зачарованную протоку, которая не могла быть глухой, что даже не поверил своему капитану. Хмыкнув, я демонстративно достал карту, рискуя оскорбить кэпа в лучших чувствах, и, склонившись на ней, быстро отыскивал протоку. Топография русла в этом районе была довольно простой, масштаб карты позволял отыскать на ней и более мелкие детали, так что ошибки быть не могло. Протока действительно была глухой, и выглядела на нашей двухверстке сантиметровым червячком синего цвета.

Отчего-то это расстроило меня, и подумалось даже, что можно остановить пароход, сказать кэпу, что нужны пробы донных осадков из той протоки, спустить лодку.. Но что-то остановило меня; пожалуй, я испугался. Нет, не протоки - того, что она может действительно оказаться глухой, и это будет грустно.

Даже не грустно - это будет обидно и тоскливо...

Кэп молчал, я в задумчивости смотрел на воду, а пароход шел вниз по реке, унося нас от зачарованного места.

3

После того случая прошло много времени; работа наша - а вместе с ней и моя командировка - близилась к завершению, и я уже воображал, как здорово будет из промозглого северного сентября перенестись в солнечный сентябрь севастопольский, оказаться без надоевшей прокуренной телогрейки, да еще и искупаться где-нибудь за Херсонесом. На воду мы теперь выходили нечасто, больше занимаясь камералкой, то есть сидели на берегу и обрабатывали образцы, таблицы и карты.

И вот однажды утром я раскладывал перед позевывающим начальником карты с результатами своей вчерашней работы.

Начальник благодушно кивал, вертел папироску и изредка поглядывал в карту. И вдруг - он задержал на ней взгляд и замер, словно окаменел.

Почувяв недоброе, я оборвал свою речь на полуслове.

Начальник, наконец, оторвал взгляд от моего труда.

- Андрюша. Дружище. За что тебе диплом дали? - спросил он, и голос его, как говорится, не обещал ничего хорошего.

- А что такое? - я суматошно пытался вспомнить какую-нибудь пропущенную "туфту" в работе.

С самым сумрачным видом начальник ткнул в карту пальцем и - для большей убедительности - постучал им.

Я посмотрел и тоже окаменел, как и начальник минутой раньше. Ближе к устью красовался далеко не самый маленький приток с длинным названием и без единой отметки.

Девственно чистым было изображение его русла на карте - я вспомнил, что, проходя мимо этой речки, мы каждый раз откладывали ее посещение на потом. Дооткладывались.

- Та-ак! - сказал начальник, вставая. - Дед!

Мой капитан, которого начальник столь непочтительно звал "дедом", возился на другом конце лагеря с самодельной печкой - единственный из нас всех он пек хлеб сноровисто и умело.

- Сам видишь, Саньч, занят я, - откликнулся он, не поворачивая головы.

Начальник сменил гнев на сарказм:

- Дражайший Степан Николаич, будьте любезны прибыть к адмиральскому шатру!

- Иду, - сказал кэп и подошел к навесу, на столе под которым были разложены рабочие карты.

- Чегой-то ты себя в адмиралы записал, а, Саныч? - спросил он, но начальник лишь молча постучал по карте - по злополучному притоку.

- Да уж, недоглядочка вышла, - сказал кэп, взглянув.

- Будет вам "недоглядочка"! - прорычал начальник. - Вот заводите свой тарантас и топайте туда.

Мой кэп поднял на него глаза, и губы его чуть растянулись в ехидной полуулыбке.

- Так ты же сам вчера мотористов домой отпустил. Они еще в обед на "Казанке" ушли.

- Та-ак! - сказал начальник, зверея. - Вдвоем идите.

Я удивился. Пароход, конечно, невелик, но не моторка, все же. Однако капитан мой рассудил иначе.

- А что, Андрюша? Проветримся, а к вечеру вернемся.

- Вот-вот, - сказал начальник, - проветритесь.

...До полудня оставалось часа два, когда мы вышли с базы. Не скажу, чтобы неожиданный рейс расстроил меня, но... появилось откуда-то предчувствие. Не предчувствие чего-то конкретного, но - предчувствие "вообще" - просто ощущение необычности происходящего.

К полудню мы прошли больше половины расстояния до нужного нам притока. Облака, стягивавшие небо всю последнюю неделю, опустились ниже; пошел мелкий дождик. Я заметил вдруг, что бравый мой капитан как-то сер лицом и согнут.

- Николаич, ты чего? - спросил я.

Кэп натужно улыбнулся.

- Да приплохело малость, Андрюша.

- Что с тобой, кэп? Может вернемся?

- Еще чего. Начальник нам руки-ноги поотрывает. Да не волнуйся ты, у меня бывает так - сердчишко; сейчас пройдет.

Привыкнув видеть в своем капитане образец здоровья и бодрости, я легко поверил ему. И правда, вскоре кэпу полегчало, и до злополучного нашего притока мы добрались нормально.

Затягивать работу не хотелось, и я решил сделать одну станцию там, где приток этот впадал в Кичугу, и еще парочку - повыше. Кэп остался в рубке, я же отправился на ют - возиться со своим оборудованием. Хотя по инструкциям полагалось непременно при взятии проб становиться на якорь, сейчас для этого попросту не хватало людей. Договорились, что кэп будет подрабатывать двигателями, чтобы удерживать судно на одном месте.

Но очень скоро - едва приступив к работе - я заметил, что нас сносит. Машина продолжала чавкать потихоньку, но течение все же оттаскивало пароход в Кичугу.

- Кэп! - крикнул я. - Сносит же!

Ответа не последовало, и машина, против моего ожидания, не застучала чаще. Помимо прочего, пароход понемногу разворачивало поперек течения; проплыл совсем рядом мыс при слиянии притока и Кичуги - нас выносило в главное русло.

- Кэп! - снова крикнул я и, торопясь и чертыхаясь, принялся выбирать из воды свое барахло; бросив все на палубе, кинулся на мостик.

Кэп лежал в своем кресле, согнувшись и прижав руки к груди, и как-то странно тихо сопел. Я встал к штурвалу, спрашивая о чем-то у старика, развернул пароход носом против течения и перевел рукоять хода с "самого малого" на "малый". Машина застучала бойчее, и пароход замер, наконец, почти на одном месте.

Я повернулся к кэпу и присел возле его кресла.

- Вывел пароход? - прохрипел он.

- Да вывел, вывел, - успокоил его я. - Ты как?

Он опять что-то прохрипел, но я не расслышал; он повторил. "Держусь", понял я.

До нашей базы было отсюда не близко, да еще и против течения, немало на Кичуге. Зато до геологов - вряд ли больше часа хода. Не тратя время на осмотр аптечки, висевшей тут же, на мостике (ничего "сердечного" там точно не было - помню, как-то лазил за йодом), я вернулся к штурвалу. Слава Богу, за прошедшие месяцы дед успел обучить меня управлению этим судном-патриархом.

Развернув пароход и не жалея соляры, я повел его вниз по Кичуге.

Кэп, по счастью, до геологов дотянул.

База их была несравненно больше и благоустроенней нашей, и было здесь даже некое подобие лазарета. К тому времени, как мы с подоспевшими ребятами перетащили кэпа на сушу, тот уже оклемался немного, глаза у него уже не закатывались, как раньше, и хрип стал разборчивее.

Попив с геологами чаю, я долго сидел на берегу возле парохода, пока ко мне не подошел местный врач. Я спросил его о старике.

- Жить будет. И вообще это, кажется, не так страшно, как я подумал.

- И забрать его можно?

- А вот этого не советую. И сами вы оставайтесь у нас, вечер скоро, а до вашей базы - пилить и пилить.

- Да как же... - растерялся я. - Мы сегодня обещали быть; начальник там...

- Ну тогда оставляйте старика у нас и идите до дому, - врач пожал плечами. - Где остальные-то ваши?

- Да... один я.

Он удивился:

- Как один? Что - ни мотористов, никого?

Я кивнул.

- Ну даете, ребята!

- Ладно, - вздохнул я, - к кэпу моему можно?

- А чего ж нельзя? Он там вполне...

...Кэп, кажется, был все-таки не совсем "вполне". Когда я вошел, он лишь чуть повернул голову.

- Андрюша...

- Да, мой капитан.

- Сколько времени?

Я посмотрел на часы и даже крякнул с досады, поняв его мысль.

- Четверть шестого. Прошляпили связь.

Разумеется, никто у нас на базе не сидит у рации круглые сутки. Да и вообще включают ее два раза в день - в девять утра и в пять вечера.

- Андрюша, ты иди один, - ждут ведь.

- Ну-у, - сказал я, понимая, что кэп прав.

- Ничего, дойдешь. Делов-то.

В принципе, просто перевести пароход с одной базы на другую - дело действительно не хитрое. И - все-таки - было боязно.

- Русло чистое, заплутать негде, - продолжил кэп. - Камней, и тех всего два, да я их тебе показывал.

- Да. Возле Илексы и у Арсеньева ручья.

Кэп слабо кивнул.

- Стемнеет - прожектором подсветишь; швартоваться там помогут. Иди, Андрюша...

Я тоже кивнул.

- Ну ладно. Счастливо, Степан Николаич, поправляйся.

...Когда я отвалил от маленького причала геологов, день был уже на исходе. "Ну, Андрюша, семь футов тебе," - тихонько сказал я.

4

День незаметно перетек в сумерки, когда я прошел едва ли половину пути до базы. Солнце скрылось уже за верхушками деревьев по берегу Кичуги и по-северному полого катилось теперь вдоль горизонта, изредка высверкивая меж стволов. Как всегда в этот час, над рекой повисла какая-то особенная, вечерняя, печальная тишина, даже чайки кричали лишь изредка, не нарушая ее, даже стук машины где-то глубоко в недрах парохода не мог справиться с этим мертвым затишьем.

...С тех пор, как я узнал, что может быть так, я всегда страшился и ждал этого предзакатного часа нездешней тишины. Вне зависимости от времени года и географических координат, этот час приходит, стирая земные звуки и вызывая неясную печаль, иногда столь отчаянную, что начинает болеть где-то в груди.

Впервые я столкнулся с этим на одном из плесов Селигера. Мы шли на яле; было весело, ветер неровно дышал нам в борт, рывками наполняя парус. И вдруг.. Солнце склонилось к горизонту; ветер пал, и парус обвис, наполненный лишь золотым сиянием заката. Поверхность озера, еще недавно взъерошенная бесконечной чередой волн, выстелилась зеркальной гладью навстречу солнцу. И тишина... она накрыла ял так же неожиданно, как неожиданно стих ветер. Смолкли чайки, и никто из нас, казалось, не был в силах прошептать ни слова. Мир на глазах терял реальность, растворялся в этой тишине, и печаль подступала к горлу тяжелым комом...

Я встречал эту печальную предзакатную тишину и в Севастополе, - быстро смеркается, прозрачные голубые тени ложатся на каменные набережные, зажигающиеся фонари таинственно высвечивают зелень деревьев. На кораблях бьют склянки, ясно слышимые в повисающей тишине, шуршит прибой, и даже на юте нашего гидрографа стихает разговор матросов...

Даже когда рядом люди, мне все равно кажется в этот час, что я один. Мягко, неслышно мир вокруг расплзается, растворяется, исчезает, оставляя тебя один на один с твоей светлой печалью. И тогда кажется, что вот это ощущение и есть Настоящее, все прочее же - лишь пустая суэта шумного дня.

...Резкий плачущий крик чайки оторвал меня от воспоминаний. Я глянул на запад, - солнце уже не просвечивало сквозь береговой лес; скоро должно было стемнеть. Я подумал о своем капитане, оставшемся у геологов, - как он там? Старика было жаль. На днях он сам говорил, что это лето было, скорее всего, последним его сезоном. Кто займет его место в рубке нашего парохода - какой-нибудь зеленый выпускник мореходки, для которого не нашлось места получше?..

Это тоже было грустно: старый пароход казался мне живым усталым существом, старым тружеником, достойным лучшего.

...Появление первых, еще прозрачных, клочьев тумана над черной речной водой меня почти испугало. Здесь, в низовьях Кичуги, не редкостью были страшные плотные туманы, в которых вытяни руку - не увидишь не то что пальцев, - самой руки. Вести пароход в таком молоке было бы немыслимо тем более мне. Если над рекой соберется большой туман, мне придется глушить машину и дожидаться утра. А это было бы тем более нежелательно, что на базе сидел

разъяренный начальник, который и сейчас-то уже, наверное, рвет и мечет, недоумевая, куда делся пароход. В утренний сеанс связи он поднимет на ноги райцентр, заставит искать свободный вертолет... Что тогда будет, лучше не думать...

Я до отказа выдвинул вперед рукоять хода - на "самый полный". Этот участок реки я знал хорошо, здесь можно было не бояться камней и других неприятностей. Конечно, наш пароход был не тем судном, на котором стоит слишком часто ходить "самым полным", - старичок мог этого просто не вынести, - но сейчас я надеялся, что смогу или проскочить район тумана, или хотя бы подойти как можно ближе к базе, чтобы с утра успеть успокоить начальника до связи. Машина застучала резвее, судно едва заметно качнулось, набирая новую скорость.

Но туман поднимался как-то уж слишком быстро, - раньше мне не приходилось такого видеть. С каждой минутой он заливал долину, белесыми пятнами и рукавами ложась на темную воду.

Начинало темнеть всерьез; я включил передний мачтовый прожектор, но он высветил лишь еще более плотный туман у меня по курсу. Мне показалось даже, что где-то там, впереди, туман поднимается отвесной мутной стеной, в которую беспомощно уперся луч прожектора... Надо было срочно искать место для ночевки, пока оставалась хоть какая-то видимость.

Я глянул на ближайший берег, - теперь он уже казался темной стеной, и туман на его фоне выглядел светящимся.

Нечто в этой береговой стене задержало мой взгляд - нечто еще более темное, чем лес. И я почти вздрогнул. Потому что понял, что это было.

Это был вход в протоку - в мою протоку.

Как-то инстинктивно я вытянул рукоять хода на себя - на "самый малый". Пароход прочапал, постепенно останавливаясь, еще десяток-другой метров и почти встал; шумная отвальная носовая волна улеглась, машина стучала тихо-тихо, едва удерживая судно на течении.

Хотя солнце уже ушло, печальная тишина предзакатного часа снова коснулась меня. Если бы не она, я мог бы посмеяться над сумасшедшей мыслью - ввести пароход в протоку и там переждать ночь и туман. Конечно, делать этого было нельзя - протока могла оказаться заболоченной старицей какого-нибудь ручья, мелкой и забитой корягами. Чуть подруливая, я развернул пароход так, чтобы размытое пятно света от мачтового прожектора упало на устье протоки, но это ничего не дало, кроме зябкого ощущения неуютности - провал в стене деревьев выглядел пугающе черным и теперь. И тут я вспомнил про дедову карту.

Мой кэп ей почти не пользовался, и она лежала в маленьком рундучке у штурвальной стойки, вместе с древним коробком спичек, старым монокуляром, курвиметром, карандашами и прочей мелочью. Карта эта была у моего капитана с послевоенных времен, а сама она осталась в этих местах от первых военных топографов и гидрологов, работавших здесь еще в тридцатых годах. Кэп берег ее, - карта была кладезем полезной информации, отсутствующей на современных двухверстках.

Я включил в рубке свет и, достав карту, разложил ее на штурманском столике. Карта была рабочая, на ней было прочерчено только основное русло Кичуги и десятикилометровая полоса вдоль него. Вокруг змеящихся изображений рукавов и притоков оставалось немалое пространство, некогда пустое и белое, а сейчас пестревшее сотнями полустершихся от времени рукописных пометок. Лист был очень большой, соответственно масштабу, еще старому, - две версты в дюйме.

Протоку я нашел быстро - карта была по-старинному подробной, но без лишних деталей. И радостно удивился - протоку перечеркивала тонкая линия, у длинного конца которой стояли карандашные буквы: "с/х для МС" и далее: "14-2.2/П". Код означал:

судоходна для малых судов; средняя ширина - 14, глубина - 2.2 м, дно песчаное. Для нашего

пароходика два с лишним метра - глубина более чем достаточная.

Но чуть ниже была сделана приписка - совсем маленькими, почти неразборчивыми буквами. И все же я ее разглядел. "Выше не прошли туман". Что-то показалось мне неправильным, неверным, не таким, как должно быть. И я почти сразу понял, что именно: протока была нарисована длинной, никак не менее сантиметров пяти...

Четыре километра. Те топографы... когда у них там пал туман, они явно увидели, что протока не кончается, иначе не пометили бы: "выше не прошли"... Я сложил старую карту - под ней на столике лежала современная. Моя протока по-прежнему синела на ней резко обрывающимся двухкилометровым червячком. И она не могла просто зарости с тридцатых годов - на современной карте протока упиралась в невысокий увал - там не могло быть не то что старого русла, но и просто болотины...

Какой-то внутренний толчок заставил меня оторваться от карты и взглянуть в окно. Из ярко освещенной рубки казалось, что там, за бортом парохода, висит уже непроглядная тьма, раздираемая лишь лучом прожектора. Я выключил верхний свет, оставив лишь маленький светильник над пультами; глаза привыкли понемногу к забортной полутьме - все-таки в это время года ночи на Кичуге еще светлые. Туман продолжал подниматься, но берега и вход в протоку были еще вполне различимы. Пароход потихоньку сносило.

Вздыхнув, я перевел рукоять хода на "малый" и, развернув судно наискось поперек русла, неспешно пошел к устью протоки. Конечно, это было сумасшедшим делом, - не знаю, как кэп, но уж начальник-то меня не похвалил бы точно. Хотя, с другой стороны, если протока соответствует описанию в старой карте, я свободно войду в нее, пережду ночь и туман, и завтра выберусь на открытую воду задним ходом...

Подойдя к чернеющему устью, я вновь сбросил ход до "самого малого". Было страшновато и как-то печально - та тихая предзакатная печаль так и не ушла, не растворилась в звуках реки и леса, - и еще было любопытно. По-детски любопытно: а что будет? Снова вздохнув, я направил судно в протоку, стараясь строго держаться ее середины.

И едва мы вошли в нее, как темнота и тишина накрыли меня. Мне даже показалось на мгновение, что заглохла машина, - настолько нереальными, жутковатыми были ощущения...

А впереди, в луче прожектора уже клубился туман. Не знаю, быть может, там, на большой воде, туман раздувало мало-мальским ветерком, - но здесь туман царствовал безраздельно. Хочешь - не хочешь, но мне пришлось перевести рукоять хода на нейтралку, а потом и дать чуть-чуть назад, чтобы не идти вперед по инерции при почти полном отсутствии видимости. Впрочем, берега протоки были еще различимы; каким-то фантастическим образом высывались из белесых клубов темные ветви и стволы деревьев.

Дождавшись, когда судно окончательно станет, я выключил прожектор и заглушил машину. Зловещая тишина сразу оборвалась, кончилась, распалась на тысячи лесных звуков. Где-то далеко-далеко подала голос лягушка; темный совиный силуэт шарахнулся меж деревьев, сопровождаемый мягким шелестом крыльев; прокричала сойка; мелкое зверье зашуршало сухими веточками на берегу; одинокая волна чуть слышно плеснула в борт...

5

В освещенной рубке было уютно; совсем не хотелось спать или спускаться вниз, в тесную кают-компанию. Я сходил на камбуз, вскипятил чаю, вернулся наверх.

Прихлебывая из кружки, еще раз изучил старую кэпову карту - все было верно: "с/х для МС, 14-2.2/П, выше не прошли"...

А за стеклами рубки клубился туман. Я - ради интереса - встал, отворил внешнюю дверь, ведущую на палубу. Не было видно ничего - ни близкого фальшборта, ни досок палубного настила. Но туман, как ни странно, не потек внутрь рубки, - так и остался висеть молочно-

непрозрачной стеной над комингсом, в дверном проеме. Падающий из проема свет вырезал в тумане короткий размытый коридор, за которым было совсем темно.

Захлопнув дверь, я вернулся внутрь, в домашний уют рубки; включил радар. Он заверещал тихонько наверху, над топом мачты; тусклым зеленым светом загорелся экран. Описав полный круг, зеленый лучик из центра экрана оставил только одну коротенькую полосочку где-то на северо-западе. Это было естественно - на Кичуге радар отбил бы всю береговую линию, а здесь берега были слишком близко. Единственная ярко-зеленая отметка была, вероятно, Медвежьим Камнем - огромной скалой на берегу, которую я не так давно оставил по левому борту.

Я выключил радар и почти сразу услышал голос.

Сначала я подумал, что мне показалось, но через пол-минуты возглас повторился:

- Эй, на катере! - голос был негромкий и явно принадлежал девушке или девчонке. Почему-то первой моей реакцией была обида: с чего это вдруг наш любимый пароход обзывают "катером"?

Я поднялся и вышел на палубу, сразу потонув в молочном океане тумана; шагнул, выставив вперед руки, уперся в фальшборт.

- Кто здесь? - спросил я в туман.

- Я, - голос звучал где-то совсем рядом.

- Ты где?

- Тут я, на берегу...

- Да? - мой вопрос был не умнее предыдущего ответа с берега.

- Ага...

- А чего ты там делаешь?

- Стою...

- Подожди-ка минутку, - прервал я этот дурацкий диалог.

Гремя подошвами кирзачей по решетчатому металлическому трапу, я спустился вниз, в машину, и вернулся на палубу с полуторакиловаттной лампой с отражателем и длинным шнуром.

Воткнув шнур в розетку внутри рубки, я включил лампу и направил ее туда, где, по моему разумению, должен был быть берег. В мощной струе света едва проявились ближние ветви деревьев, нависающие почти над палубой, какие-то темные силуэты среди тумана; блеснула черная вода.

- Ну ты где там? - крикнул я.

- Здесь, здесь! - одно из темных пятен закачалось, и я понял, что моя собеседница машет руками.

- Ты у самой воды?

- Наверное. Но я боюсь проверить - а вдруг здесь обрыв...

- Нету здесь обрывов, - пробормотал я. - Стой, где стоишь, и кричи почаще, чтоб я тебя сходнями не убил.

- Чего кричать?

- Кричи "ау", если хочешь.

Я пристроил лампу на палубе и под акомпанемент раздающихся через каждые несколько секунд "ау" пошел на корму за сходнями. С каждым разом "ау" выходило все жалобнее, и мне показалось, что девчонка там, на берегу, вот-вот разревется.

- Я попробую положить сходни, - сказал я в сторону берега. - Пострайся увидеть или поймать их, только смотри, не булькнись в воду. Хорошо?

- Ага.

Взяв сходни - две сбитые вместе доски с поперечными перекладинами через шаг - за

середину, я перекинул их через фальшборт, придал им наклонное положение и стал понемногу выдвигать куда-то в туман. Пару раз раздалось сочное "плюх", когда я задевал передним концом по воде, но в конечном итоге сходни уперлись-таки во что-то твердое.

- Нашла! - раздалось с берега.

- На чем там они лежат?

- На берегу!

Я чертыхнулся.

- Берег разный бывает. Они там прочно лежат?

Тишина. Видимо, девчонка наощупь изучала, во что же уперлись сходни.

- Вроде прочно...

- Ну тогда давай поднимайся на борт.

Сможешь?

- Конечно.

Сходни качнулись. Я уперся покрепче в палубу, руками удерживая сходни. Из тумана на меня наплывало что-то бесформенное, в свете яркой лампы превратившееся постепенно в неясный человеческий силуэт. Рядом с ним плыл еще один силуэт, поменьше, но рассмотреть его я не успел.

- А куда дальше?

- А ты где?

- Я уже близко.

- Борт видишь?

- Ага...

- Ступай на него одной ногой и давай мне руку. Потом сразу прыгай на палубу.

Силуэт качнулся вперед, как-то неожиданно обретя цветность. Где-то перед самым моим носом мелькнула нога в синей джинсовой штанине, и я едва успел выпустить сходни, поймать протянутую руку и затащить ее обладательницу на пароход. Она, конечно, растянулась на палубе, и рядом с ней гулко упало что-то большое и явно тяжелое.

- Ушиблась? - спросил я, помогая ей встать.

- Да нет, не очень. Спасибо.

Я убрал сходни (моя неожиданная гостья пыталась мне помочь), забрал лампу и мы вошли в рубку.

Все-таки это была девушка, лишь на несколько лет моложе меня. В джинсах, клетчатой фланелевой рубашке и кроссовках (оригинальный наряд для тайги). Большим и тяжелым, упавшим на палубу, оказался чемодан.

- Здравьете, - сказала она.

- Привет, - появление в прикичужской тайге чемодана поразило меня более всего остального. - Андрей.

- Юля, - она протянула мне руку, и я пожал ее.

- А в чемодане у тебя что? - я все-таки не удержался. - Средства от комаров и мошки?

- Нет, вещи...

- Ясно... Чаю хочешь?

Она кивнула, я спустился на камбуз за второй кружкой и налил ей теплого еще чая.

- Теперь рассказывай, как ты здесь очутилась.

- Меня ссадили с катера.

- С какого катера? - я удивился снова.

- С обычного, рейсового. Мы дошли до Раменья, и тут вдруг появился туман. Капитан, или кто-то там другой, сказал, что катер дальше не идет, и всех выгнал на пристань. Ну, я и пошла

искать дорогу, думала, может попутку поймаю до Спас-Устья... А потом заблудилась в тумане, только слышу - река совсем рядом, почти под ногами. Вот. А потом увидела свет и стала звать...

- Постой-постой, - прервал я ее рассказ.

- Пассажирские катера на Кичуге? Попутки? Не шути, здесь на сотню километров пара поселков и ни одной дороги!

- Да не на Кичуге, на Вексе.

- Что за Векса такая?

- Ну вот эта же река, где мы сейчас!

Я крикнул от досады и недоумения.

- Послушай, - я старался говорить ласково. - Здесь нет реки Вексы. Здесь нет пассажирских катеров.

Здесь нет населенных пунктов. Здесь вообще нет ничего, кроме Кичуги, тайги, медведей и геологов.

- А я? А мой билет? - она залезла в кармашек у пояса и вытащила малюткий прямоугольник картона.

Я взял у нее билет. Он действительно был до какого-то Спас-Устья, и число стояло сегодняшнее.

- Хорошо, - я вернул ей билет и за руку потянул за собой, прочь из рубки. - Идем.

Я прихватил с собой лампу и включил ее, когда мы вышли на палубу. Пробираясь более наощупь, мы дошли до самой кормы, и там я заставил Юлю перегнуться через перила и посмотреть вниз; туда же направил свет. Там, на борту, с трудом, но все-таки можно было прочитать:

БГК-186 Архангельск

- Ну? - спросил я. - Надеюсь, ты не думаешь, что я приперся на твою Вексу с Белого моря, чтобы тебя повеселить?

- Но я же тоже не вру... - она вдруг всхлипнула, и мне пришлось, удерживая одной рукой порядком нагретую лампу, другой погладить ее по плечу:

- Ну, что ты... Ну, разберемся...

Мы вернулись в рубку.

- Пей чай-то, - сказал я.

Она послушно взяла в руки кружку, но сделать глоток не успела. Неожиданно, без предисловий, снаружи поднялся ветер, засвистел в снастях и антеннах. И сразу же ударил шквал. Пароход заметно качнуло, и часть юлиного чая расплескалась по полу.

- Вот те раз! - сказал я. - Такого мы еще не видели...

Шквал отступил, оставив после себя резкий порывистый ветер. Пароход продолжало раскачивать.

- Что это? - спросила девушка.

- Ветер. Это не страшно.

На самом деле было страшно.

- Юль, на вашей Вексе есть горы?

- Нет, конечно, - она удивилась моему вопросу.

- Тогда смотри, - я включил радар, надеясь показать ей отметку от Медвежьего Камня и убедить, что никакой Вексы здесь нет.

После первого оборота луча экран остался чист. После второго - тоже.

- Черт, - прошептал я, - еще и с радаром что-то...

Меж тем ветер крепчал; усиливалась и качка, причем к бортовой качке явно прибавилась еще и килевая. Я снова чертыхнулся - какая может быть качка в протоке шириной 14 и глубиной

2.2 метра? Неожиданно я поймал себя на том, что стою, широко расставив ноги и обеими руками держась за штурманский столик, а Юля двумя руками пытается удержать кружку с плещущим чаем...

Я потянулся включить мачтовый прожектор, и в это время взгляд мой упал на компас. Картушка его медленно вращалась.

...Что-то со звоном и грохотом упало внизу, похоже - в камбузе. Бортовая качка становилась все сильнее; Юля ойкнула, выпустив из рук кружку, чтобы схватиться за ножку столика. Я вдруг увидел капли на остеклении рубки, и только тут до меня дошло, что в борт уже давно бьет волна, какой просто не может быть в маленькой протоке. Картушка компаса продолжала вращаться, - нас разворачивало бортом к волне.

Какая бы чертовщина не происходила вокруг, подставлять борт такой волне было нельзя. Я все-таки дотянулся и включил прожектор, но он высветил лишь стремительно летящие клубы тумана, в клочья раздираемые ветром.

- Это берег? - спросила вдруг Юля.

- Где?

Оторвав одну руку от ножки стола, она показала на экран радара.

- Берег?... - прошептал я. На самом краю круглого экрана, то есть километрах в десяти от нас, радар отбивал изломанную, но четкую линию. Я снова взглянул на компас - нас развернуло градусов на шестьдесят - нос и корма парохода должны были уже лечь на берега протоки.

Выругавшись, я запустил машину. Она зачухала, набирая понемногу обороты. Внизу, под нами, что-то незакрепленное непрерывно и громко каталось из угла в угол...

Через пару минут мне удалось на малом ходу развернуть пароход носом к волне. Бортовая качка почти исчезла, зато килевая разыгралась во всю силу. Пароход падал носом вниз, волна накатывалась на него, заливая бак, разбиваясь о надстройку и обильно пятная брызгами стекла рубки. Затем вода схлыньвала, и нос судна круто взлетал вверх, в туман, предоставляя волнам захлестывать ют.

Шторм был не так уж и силен - вряд ли больше пяти-шести баллов - но для нашего парохода и этого было более чем достаточно...

Иллюминаторы, черт! Пароход был совершенно не готов к шторму: еще бы, уже лет десять, как он не выходил в море. Мало того, что незакрепленные предметы, от кружек и бутылок до сходней, не были принайтованы, и теперь летали по палубе и внизу, так еще и в половине помещений наверняка не были задраены иллюминаторы.

- Юля!

- Да. Что надо сделать? - она вдруг стала спокойно-сосредоточенной, и я даже оторвался на секунду от освещенной прожектором белесой мути, чтобы взглянуть на ее лицо.

- Трап позади меня. Спустись вниз, найдешь кают-компанию и кубрик (заблудиться внутри парохода было негде). Надо задрать иллюминаторы. Прижимаешь крышку со стеклом к борту, задвигаешь болт в прорезь и закручиваешь до упора. Там разберешься. Сможешь?

- Конечно, - она поднялась и шагнула к трапу, ухватившись за штормовой поручень. Судно качнуло в корму, и Юля в нелепой позе замерла над люком с поднятой для шага ногой. Затем пароход выправился, нырнул в новую волну носом, и Юля покатила вниз по трапу, едва успевая переставлять ноги.

А я продолжал всматриваться в освещаемую прожектором туманную муть. Быть может, меня просто подвели глаза, но вдруг показалось, что туман приобретает странный зеленоватый оттенок, словно начиная светиться изнутри. С каждой минутой он становился плотнее, на глазах теряя реальность и из простых конденсированных паров воды превращаясь в какую-то тугую завесу для зрения...

И вдруг - я не успел даже поймать этот момент - наш пароход вышел из тумана. Я не решился оторваться от штурвала, чтобы выглянуть из рубки и посмотреть назад; я буквально впился взглядом в открывшуюся картину.

Передо мной было бушующее открытое море.

Луч прожектора то высвечивал увенчанные шапками белой пены гряды высоких черных волн, то упирался в густое темно-синее небо.

Невероятно ярко сияли звезды; тонкая полоска закатной зари алела прямо курсу...

- Андрюша, корабль... - сказала Юля, неслышно вернувшись в рубку.

- Вижу, - ответил я.

Я действительно уже видел его и - более того - узнал. Судно, идущее в полукилометре от нас, попало в прожекторный луч света, и я хорошо разглядел его даже без бинокля.

Двухмачтовая гафельная шхуна шла полным курсом; возвышающаяся над надстройкой труба чадила черным дымом, - это был пароход, пароход в прямом смысле слова. Самый силуэт судна был знаком мне донельзя, но я видел... я видел еще и брейдвымпел на стеньге грот-мачты: семь звезд созвездия Персей на синем поле...

...Это был "Персей", судно, расстрелянное немцами и затонувшее в сорок первом году.

6

Последние годы, проходя по набережным Севастопольской бухты и глядя на стоящие у причалов суда бывшего гидрографического флота, на "Московский Университет" (ныне "Горизонт"), на "Фаддея Беллинсгаузена" (ныне "Омега"), на "Академика Петровского" и "Михаила Ломоносова", на свежие синие украинские трезубцы на их трубах, на контейнеры с кожаными куртками и дешевыми джинсами из Турции, сгружаемые с их палуб, я часто вспоминал о "Персее", первенце российской океанологии, удивительном судне с яркой и неповторимой судьбой. Когда-то давным-давно в старой книге по морской геологии мне попались на глаза несколько строк об этой шхуне, и с тех пор я заочно полюбил ее - так, как можно любить деда или прадеда, с которым никогда не встречался, но о котором слышал много доброго.

"Персей" был одним из первых в мире кораблей, построенных специально для океанографических исследований.

Таких кораблей, к слову, не так много и сейчас: большинство современных гидрографов - это всего лишь переделанные рыболовы. Даже сама постройка "Персея" была событием из ряда вон выходящим, а судно, ставшее первым советским и российским сугубо научным судном - единственным в своем роде.

Еще в двадцать первом году Ленин подписал декрет Совнаркома о создании Плавморнина - Плавучего Морского Научного Института, который расположился в Архангельске, но не получил в постоянное пользование ни одного судна. Океанографии, однако, без экспедиций не бывает; начался поиск необходимого корабля.

Корабль не нашли, зато Месяцев, один из руководителей Плавморнина, узнал, что где-то в дельте Северной Двины гниет брошенный набор деревянной шхуны. Недостроенный корпус разыскали, выяснили, что до революции он принадлежал онежскому купцу с замечательным именем Епимах Могучий. Других хозяев не нашлось, и в январе 1922 года корпус был официально передан институту.

Денег почти не было, Архангельский судоремонтный завод отказался достраивать шхуну. Но общая схема необходимых действий была уже ясна. Вторым "родителем" шхуны стал затонувший в устье Двины морской буксир его подняли со дна и сняли с него машину и котел. Интересно, что буксир носил то же имя, что и купец - строитель корпуса шхуны: "Могучий". Быть может, было в этом и некое предзнаменование о будущей судьбе шхуны?

Затем разобрали по кусочкам еще одно судно - погибший миноносец; с него сняли рулевое устройство и турбодинамо. Практически, на новой шхуне не было ни одной значительной детали, купленной специально - все, вплоть до медных иллюминаторов и якорей, было снято с мертвых судов.

Так из обломков отслуживших свое кораблей и чистого энтузиазма ученых, рабочих и инженеров был создан "Персей". В ноябре двадцать второго года шхуна была спущена на воду, и на ее грот-мачте забилась брейдвымпел: синее поле небосвода и семь звезд созвездия Персей, никогда не заходящего в Северном полушарии.

"Персей" честно отработал почти двадцать лет; ему доводилось подниматься выше восьмидесятого градуса, то есть в области, не достигнутые многими ледоколами, довелось принять участие в спасении в 1928 году экспедиции генерала Нобиле...

И уж конечно, такое судно, как "Персей", не могло умереть, сгнивая на корабельном кладбище. В июне 1941 года, за неделю до начала войны, "Персей" вышел в свой юбилейный, девяностый рейс. Сообщение о начале войны пришло вместе с приказом о передаче судна военному командованию. 10 июля в Мотовском заливе "Персей" встретил группу немецких бомбардировщиков. Семь самолетов одновременно атаковали судно, не имевшее на борту ни одного орудия.

"Персей" затонул на мелководье в бухте Эйна; экипаж успел покинуть гибнущее судно. Но и обезлюдев и получив смертельные пробоины, "Персей" продолжал служить фронту, отвлекая на себя атаки бомбардировщиков: приливные волны постоянно перемещали корпус "Персея" по грунту, и немцы еще долгое время продолжали бомбить его, считая живым.

Но и на этом не закончилась работа удивительного судна. Собранный в 1922 году буквально из кусочков, разрушающийся сейчас "Персей" словно высвобождал вложенную в него любовь, которая связывала эти куски, и возвращал ее людям.

Изуродованные остатки корпуса "Персея", лежащие на мелководье и выступающие над поверхностью воды, послужили фундаментом причала, к которому швартовались военные транспорты до самого конца войны...

...И вот сейчас эта легендарная шхуна шла у меня прямо по курсу. Почему-то мне даже не пришла в голову мысль о том, что это может быть копия старого корабля; я лишь подумал, не приключилась ли со мной какая-то широкомасштабная галлюцинация. Впрочем, рядом стояла Юля, держась за край штурманского столика, и она видела то же, что и я. Я взглянул на пульт "Персей"

давал четкую отметку на экране радара.

- Туман опять... - прошептала Юля, и по голосу ее я понял, что ей жутко.

И точно - туман, теперь уже явственно зеленоватый, колдовской, поднимался прямо от воды, заполняя провалы меж волнами, грозя вновь залить палубу нашего парохода. Изображение (не могу назвать это иначе) за стеклами рубки подернулось дрожащей пеленой. Компас вдруг заволновался, раскручиваясь то в одну, то в другую сторону; зеленые цифры на эхолоте, до того уверенно показывавшего глубину метров сто - сто двадцать, замигали. В довершение ко всему "поплыла" ниточка береговой линии на экране радара, расползаясь в смутное пятно. Только одна яркая точка - отметка "Персея" уверенно оставалась на месте.

Пароход сильно качнуло - тяжелая волна, едва не положив судно на борт, развернула его градусов на тридцать (ориентироваться по компасу было уже невозможно, но именно на такой угол съехала к северу отметка "Персея"). Почти не задумываясь, я развернул пароход вослед шхуне, уже невидимой сквозь туман, уходящей к горизонту в сторону заката...

Что-то было еще - я был настолько занят тем, чтобы удерживать пароход в кильватере за "Персеем", что не заметил, когда случились новые перемены.

Ветра уже не было, море вдруг оказалось спокойным и свободным от тумана. Я увидел сначала только то, что приборы успокоились, что на экране радара появился кусочек береговой линии - не то острова, не то мыса; именно к ней уверенно шел "Персей". Лишь потом я поднял глаза.

Как ни странно, все еще был закат.

"Персей" шел почти прямо передо мной, и паруса его розовели и золотились в последних солнечных лучах. А солнце садилось позади высокого острова, - мне вдруг показалось, что я различаю пенящийся прибой, и светлые леса над обрывами береговых скал, и Город: высокие башни и легкие арки мостов, белый, чуть розоватый цвет яблонь и пурпурные листья персиков под белокаменными стенами... Остров был...

музыкой; я не слышал и не мог разобрать ее; она звучала где-то внутри самого моего существа, как особое настроение и ощущение глубокой красоты. Кажется, я никогда не испытывал желания более сильного, чем желание идти туда, охватившее меня в этот миг. Впрочем, это было не желание даже, но устремление...

Потом снова что-то изменилось, и вместо открытого моря я увидел скалистый берег, заросший темным еловым лесом. Вода была совершенно спокойна, и я без удивления уже понял, что мы - в озере.

7

И по-прежнему пламенел на горизонте закат.

Я так устал, что не хотелось даже вести пароход к близкому берегу. Почему-то мне было ясно, что это уже все, что больше сегодня не будет ни тумана, ни приключений. Терпкая печаль оттого, что исчезли Остров и Город, мешалась со странным ощущением, что они ушли не совсем, что тень, запах, отпечаток их остались со мной - навсегда.

Я заглушил машину и опустился в кресло.

Рядом коротко вздохнула Юля, тоже садясь. Я повернулся, посмотрел на нее.

- Ну вот, выбрались...

- А мы где?

- Понятия не имею. Озеро.

- Андрюш.. Что было?

- Ох, не знаю. Кажется, я слышал о таких вещах, только сейчас сил нет вспоминать и рассказывать.

Юля помолчала, задумавшись.

- Я тоже... читала... - она заговорила совсем тихо, почти торжественно: - Андрюш, ты видел?

- Остров, Город, сады...

- Значит, и ты...

- Да. А что ты читала?

- Саги. Древние рассказы о моряках, которые плыли на закат солнца и находили там прекрасную сокровенную землю, на которой нет старости и горя. Она называлась Аваллон. Туда потом отвезли короля Артура, когда его смертельно ранили в последней битве...

Я кивнул.

- Кажется, я тоже знаю кое-что, имеющее отношение к нашему приключению. Только давай сначала спустимся вниз, посмотрим, что там, поставим чаю, если камбуз не совсем разворотило...

На следующее утро я проснулся совсем рано. Быть может, - оттого, что простучали над головой шаги по палубе, быть может - оттого, что на глаза мне упало сквозь иллюминатор пятно солнечного света.

Было хорошо и немного странно. Едва открыв глаза, я понял, что прекрасно выспался и отдохнул, а потом сразу вспомнил все, что было вчера. Натянув на ноги сапоги и надев телогрейку, я поднялся наверх.

Яркое, солнечное, удивительно свежее утро. Сверкающие блики на воде, крики чаек, шум сосен на недалеком скалистом берегу...

Юля пила чай на баке¹. Сегодня и здесь она - в своей яркой клетчатой рубашке, в легких кроссовках, с распущенными волосами до плеч - совсем не казалась смешной и неуместной, как вчера в мрачноватой северной тайге. Напротив, я вдруг почувствовал себя самого таким медведем, выбравшимся из лесу и попавшим на прекрасный светлый праздник.

- Доброе утро, - Юля услышала мои шаги и обернулась.

- Доброе, - согласился я.

- Хочешь чаю? Только что вскипел.

- Ага, - я сходил налить себе кружку крепкого горячего чая и вернулся на бак.

- Совсем тепло, - сказала Юля. - Чего ты в телогрейке?

- Привычка, знаешь ли... - я действительно снял ватник и бросил его на палубу. - Садись.

- Спасибо, - она улыбнулась и уселась на мою теплую рабочую шкуру; я тоже опустился на палубу рядом с ней.

- Ну вот, приплыли, - сказала она, - а куда? Знаешь, надо бы, вроде, ужасаться, волноваться хотя бы - такое случилось! - а я... А мне просто хорошо. Странно. И даже совсем не хочется узнавать, куда нас занесло.

Да, именно "занесло", - это, пожалуй, было самое подходящее слово. Было очевидно, что мы где-то очень далеко от Кичуги - слишком тепло, да и солнце на широте кичужских низовий в это время года даже в полдень не поднимается так высоко.

- Что будем делать? - спросила Юля.

- Пить чай, - я пожал плечами; мне действительно было все равно и как-то очень покойно.

Юля кивнула.

- Что-нибудь случится само, правда?

- Конечно.

...Звук работающего мотора мы услышали минут через пять. А еще через пять появилась и сама лодка - вывернула из-за скалистого мыса в полукилометре от нас, там, где озеро резко изгибалось вправо, следуя долине между лесистыми холмами. Лодка явно была западного производства широкий и длинный корпус, высокие белые борта, хищно вытянутый форштевень. На носовой ее палубе можно было бы танцевать, если бы лодка не глиссировала сейчас, скользя по волнам с задранной к небу носом. Я невольно залюбовался этим чудом техники.

Лодка шла явно к нам. Не доходя метров пятидесяти до парохода, ее водитель заглушил движок. Оседая корпусом в воду и быстро теряя скорость, лодка лихо развернулась и замерла точнехонько под нашим бортом. Я взглянул - конечно, на лодке был не "Вихрь", а мощный "Mercury".

В лодке их было трое. Два молодца в камуфляже (один из них - у руля) и тощий молодой человек чуть старше меня, в темно-сером костюме, но без галстука. Он стоял, держась за окантовку лобового стекла, и улыбался.

- Здравствуйте! - он махнул нам с Юлей рукой. - С прибытием.

Кажется, я не очень удивился его словам.

- Ну, здравствуйте.

- Рад видеть вас в целости и сохранности. Поверьте, искренне рад, - он коротко и счастливо рассмеялся, как сменяются большой удаче. - Вы позволите мне подняться на борт вашего судна?

- Поднимайтесь, - я пожал плечами и скинул ему шторм-трап¹. Он поблагодарил и

довольно ловко вскарабкался на борт парохода. Спрыгнул на палубу, оправил пиджак.- Я представляюсь, если вы позволите. Сергей Александрович Алексеев-Черных. НИИ проблем естественных наук. Здесь в научной командировке. Гм... продолжительной.- Андрей, - сказал я. - Можно без отчества.- Прекрасно. А... ваша дама?..- Юля, - она тоже решила представиться сама.- Прекрасно, - повторил тощий Алексеев-Черных, раскланиваясь с Юлей. Я заколебался. Таежная привычка, прижившаяся за полевой сезон, требовала не задавать вопросов, а сначала напоить гостя чаем, а нужно - так и накормить его. Однако, встреча была совсем непохожа на встречу в тайге.

Алексеев-Черных достал из брючного кармана приборчик, похожий на часы-луковицу, взглянул на экранчик.

- Семь сотых секунды за минуту! - удивленно сказал он, ничего не объясняя. - Ничего себе остаточный эффект... - он замолчал, закуривая; потом продолжил, обращаясь к нам:

- Итак, с вами произошло нечто необычное. Вчера вечером ваш теплоход попал в зеленоватый туман, вы потеряли ориентацию, потом вдруг оказались на этом озере. Так?

- Да... - удивленно сказала Юля. Черных кивнул.

- Вас только двое?

- Да. А что...

- Это хорошо, - перебил Черных.

- Почему?

- Чем меньше людей мне придется посвятить в деятельность НИИПЕНа, тем лучше. Проект не засекречен, просто закрыт, и все же...

Я сообразил, что НИИПЕН - это аббревиатура названия его института.

- Что-то не доводилось мне слышать о вашем заведении, - сказал я.

Черных кивнул.

- Да, НИИПЕН не стремится афишировать свою деятельность. Не сомневайтесь, однако, это вполне легальная государственная организация.

Я выразительно взглянул вниз, где покачивался у нашего борта белоснежный разъездной катер, наверняка стоящий больше, чем весь наш пароход. Для института на государственном финансировании такой катер роскошь непозволительная. Черных правильно понял меня, снова кивнул:

- Мы разрабатываем наиболее перспективные направления естественных наук, - сказал он, - и потому нас действительно финансируют неплохо...

8

Какое именно ведомство финансирует Черных и его институт, мы поняли, когда добрались до их базы, расположенной на другом конце озера, на заросшем соснами берегу небольшой бухты.

Укрепленный на сваях причал, к которому подошел катер Черных, а следом - и наш пароход, охранялся затянутым в камуфляж автоматчиком. Асфальтированная дорожка вела от причала к большому ангару из гофрированного дюрала и окружающим его аккуратным белым двухэтажным домикам. Слева на "лысой" горюшке стоял темно-зеленый армейский вертолет.

В целом картина была довольно мирная. У одного из домиков сушилось на веревках белье, где-то плакал грудной ребенок, - если бы не автоматчик на причале, не вертолет и не появляющиеся то тут, то там среди штатских фигуры в камуфляже, можно было бы принять этот маленький поселок за базу отдыха...

- Официально наш институт занимается проблемами размагничивания судов, - на предмет защиты от магнитных торпед, - говорил Черных, разливая чай в своей квартирке в одном из коттеджей.

- Размагничивания? - я удивился. - Мне кажется, эта проблема была решена еще во времена последней войны.

Он кивнул.

- Разумеется. Это просто традиционная официальная версия. НИИПЕН, собственно говоря, и вырос из той лаборатории, которая занималась размагничиванием во время Отечественной войны. Сейчас у нас довольно широкий спектр исследований, и я веду на этой базе только одно из направлений, - он отставил в сторону чайник и тоже присел у стола.

- Как я понимаю, это направление связано с нашими... приключениями, сказал я.

- Так точно. Вы оказались случайно затянутыми в широкомасштабный эксперимент. Мы, признаться, не ожидали подобного результата, хотя и предсказывали его возможность.

Угораздило же вас оказаться... - он не договорил.

- Оказаться где?

- Это сложно... - Черных наморщил лоб. - Впрочем, я попробую объяснить. Вы слышали о филаделфийском эксперименте Эйнштейна в 1943 году?

...Я не удивился: наверно, ожидал чего-то подобного. Да, конечно, я слышал об этом эксперименте, поставленном Эйнштейном, когда тот работал на какое-то военное ведомство США, и оказавшемся впоследствии одним из самых знаменитых его опытов. Тогда вместе с Эйнштейном работали самые известные физики мира - Тесла, например... Кажется, они создавали мощное электромагнитное поле особой конфигурации вокруг американского эсминца. Собственно говоря, больше я об этом эксперименте ничего и не помнил, кроме результата, конечно: эсминец просто исчез - исчез вместе со всей командой и экспериментальным оборудованием, чтобы объявиться ненадолго где-то совсем в другом месте, снова исчезнуть, и снова явиться "изничего" на филаделфийской базе американских ВМС.

Говорят, по окончании эксперимента Эйнштейн сжег свои рукописи...

...Да, я слышал, конечно, об этом эксперименте и сообщил это Черных.

- Ну что ж, - сказал тот, разводя руками. - Прекрасно. Тем проще мне будет объяснить вам.

- Я не поняла, - сказала Юля, обращаясь не столько к Черных, сколько ко мне. В двух словах, насколько мог кратко, я рассказал ей.

- Все так, - кивнул Черных, - все точно.

В близких областях работает и наша лаборатория Института... Вы понимаете, я надеюсь, что говоря об этом с вами, я нарушаю некоторые... гм... обязательства? Но это нужно...

"Кому?" - вопрос не прозвучал, но был, вероятно, настолько очевиден на моем лице, что Черных неожиданно смолк, а потом ответил - с неожиданной резкостью в голосе:

- Мне. Институту. Стране в целом.

Я промолчал.

- Исследования, которые мы проводим, связаны с переброской на конечные расстояния материальных предметов за бесконечно малые отрезки времени. В принципе, физика такой переброски известна; дело только за технической реализацией. Мы немало уже сделали на этом пути, но постоянно сталкиваемся со всевозможными, часто совершенно неожиданными проблемами... нет, точнее - с неожиданными феноменами или, быть может, просто с непредсказанными теорией особенностями процесса переброски. Первое, с чем мы столкнулись в самом начале работы - это искажения времени, возникающие при любых экспериментах в этой области. Сейчас это уже объяснено... или почти объяснено...

- Что вы имеете в виду, говоря об "искажениях времени"? - спросил я, будучи действительно заинтересован. - И как вы их регистрируете?

Черных оживился.

- Конечно, конечно, я объясню. Ну, разумеется, речь идет не об искажениях времени

"вообще" - если бы таковые и происходили, мы все равно не смогли бы зафиксировать их - так же, как невозможно непосредственно почувствовать изменение скорости течения реки, просто плывя по течению.

Я кивнул.

- Но можно ведь посмотреть на берег... - сказала Юля и сама смутилась своей смелости вмешаться в "ученую беседу". - Извините...

- За что же? - воскликнул Черных. - Вы абсолютно правы. Мы не можем регистрировать изменение скорости течения абсолютного времени - да, собственно, и говорить-то об этом нелепо - зато мы можем сравнивать течение времени в двух разных точках пространства. Это просто теоретически. Пара абсолютно синхронных часов, электронных или атомных, с погрешностью мене миллиардных долей секунды за сутки, разносятся в эти самые две точки.

Потом мы просто сравниваем разницу между ходом часов, накопленную за какой-то срок. И все.

- Понятно, - сказал я, припомнив приборчик, который Черных доставал из кармана у нас на пароходе.

- Но эти шутки со временем давно уже не новы для нас, - продолжил он свой рассказ. - Значительно позднее мы обнаружили другую вещь, которую не понимаем до сих пор: резкую неоднородность пространства по отношению к нашим экспериментам, вообще по отношению ко всем явлениям, связанным с суб-переброской и Переходом...

- С переброской и... чем? - перебил его я, почувствовав вдруг в последнем прозвучавшем из его уст слове что-то особенное.

Черных резко смолк; сжал губы, словно допустил некую промашку.

- Неважно... пока. Скажем так: по отношению ко всему, чем занимается наша лаборатория. Суть этого явления в следующем. Переброска даже небольших масс и даже на небольшие расстояния требует значительных весьма значительных - затрат энергии. Однако оказалось, что существуют на поверхности Земли точки, переброс между которыми оказывается практически неэнергоемким.

Более того, мгновенное перемещение материальных объектов из одной такой точки в другую вообще может, порой, носить спонтанный, самопроизвольный характер. А уж если мы прикладываем к таким точкам нашу... наши усилия... тогда вообще получается... Я даже не знаю, как это определить - некое "смещение пространств и территорий", что ли.

Он замолчал, не то обдумывая дальнейшие слова, не то ожидая нашей реакции.

- Понятно, - повторил я. - И эта ваша база стоит, разумеется, в одной из таких точек, - я не столько спрашивал, сколько утверждал.

Черных кивнул.

- Да. И здесь мы подходим к вашей собственной истории, - он снова замолк на несколько секунд, обдумывая, вероятно, слова. - Дело в том, Андрей, что такие особые точки некоторым образом связаны друг с другом, причем не хаотически, а по некоторой системе, смысл которой пока ускользает от нас. Могу сказать только, что взаимосвязанные точки образуют на поверхности Земли некие треугольники или, говоря более общо, - некую гексагональную сеть. Наш вчерашний эксперимент...

Кажется, я вскинул голову слишком уж резко; по крайней мере, Черных уловил мое нервное движение и замолчал. Потом развел руками:

- Да, Андрей, я вынужден просить прощения - ваш катер, насколько я понимаю, случайно оказался вчера в одной из активных точек, связанных с нашей, и в одну из фаз эксперимента... произошел переброс. Мы уловили его по мощным темпоральным искажениям.

Я покачал головой:

- Вы ошибаетесь, Черных. Ваш эксперимент соединил вчера не два узла этой вашей "гексагональной сети", а, как минимум, три.

- То есть?

- Крайний Север, центральную Россию и...

- я не договорил, не зная, где мы находимся.

- И Урал... - задумчиво пробормотал Черных. - Кажется, я понимаю. Тройной переброс... по всем ребрам треугольника... Вы с Юлей изначально находились вчера в разных узлах?

- Да.

- Интересно. Впрочем, мне следует вернуться к извинениям. Уверю вас, эксперимент отнюдь не был направлен на то, чтобы перетащить что-либо - и уж тем более - кого-либо - из соседних узлов на базу. Уверю вас, это произошло случайно, и тем не менее еще раз прошу прощения за причиненные неудобства.

Юля фыркнула - негромко, но достаточно выразительно.

- Послушайте, Черных, - сказал я (этот человек по-прежнему внушал мне устойчивую неприязнь, и я никак не мог заставить себя обращаться к нему по имени). - Послушайте, если я правильно понял, ваши исследования финансируются каким-то из силовых ведомств, а база ваша - секретна. Объясните мне, зачем вы нас сюда притащили, да еще рассказываете все эти подробности - не проще ли было сразу выслать нас и не затруднять ни нас, ни себя?

- Зачем же... - вскинулся было он, но тотчас прервал сам себя: Впрочем, вы правы.

Он вздохнул, потер пальцем переносицу, словно поправляя несуществующие очки, потом коротким движением разгладил какую-то морщинку на скатерти.

- Да, мы подходим к самому важному.

Существует еще и третий феномен, связанный с физикой переброса и открытый нами совсем недавно. Возможно, этот эффект, остающийся пока побочным результатом наших исследований, окажется на деле более важным, чем сама возможность мгновенной переброски материальных масс.

Нам удалось нащупать третью сторону переброса.

Он замолчал.

- То есть? - спросил я.

- До сих пор явление переброса полагалось нами, так сказать, двухполюсным. Существует точка отправления и точка прибытия, ну, плюс еще канал между ними. Все. Но экспериментальные данные показывают, что в тех случаях, когда возникающий канал достаточно стабилен, из него есть третий выход.

- Куда? - спросила Юля в повисшей вдруг мрачной тишине.

- Не знаю, - ответил Черных. - Куда-то в сторону, куда-то прочь, вон из нашего мира. Теория переброса не воспрещает такого явления, но и не объясняет ничего. Ценой колоссальных усилий нам удалось единожды осуществить переброс в третью сторону. Приборный блок, служивший перебрасываемым телом, показал огромные градиенты скорости хода времени в тот момент, когда телеметрическая связь с ним прервалась. Блок не был уничтожен, но и не появился ни в одной из активных точек Земли. Я подозреваю, что мы нащупали... да, иной мир. Причем очевидная асимметрия переброса между этим миром и Землей заставляет нас полагать, что... голос его стал ниже и тише. - Я понимаю, это звучит смешно, но... Если у Мироздания есть где-нибудь центр, то... возможно, третья сторона переброса - это ворота куда-то туда.

- Переброс в третью сторону вы и назвали Переходом, - тихо сказал я.

- Да, - Черных неровно улыбнулся. - Да.

И мы должны сделать Переход доступным для оборонных ведомств раньше, чем это сделает Америка.

- И что же вам до нас и нашего парохода?

- Все, - он негромко стукнул кончиками пальцев по столешнице. - Все, что вы знаете, и что вы есть. Наши приборы зафиксировали этой ночью столь мощный темпоральный всплеск в месте вашего появления, что он может быть связан только с Переходом.

- Нет, - сказал я.

Скрипнул рядом со мной стул; я оглянулся: Юля, насколько могла отодвинулась от Черных; спина ее была прижата к стене, а глаза смотрели испуганно и... тревожно.

- Да, - сказал Черных. - Не знаю, что тому виной, но вы, находясь в канале переброса, ушли в третью сторону и, более того, вернулись обратно.

Мы молчали. Долго. Несколько минут.

- Чего вы хотите? - спросил я, удивляясь хриплости собственного голоса.

- Сотрудничества! - Черных заулыбался. - Поверьте, сотрудничества и ничего более. Здесь несколько важнейших моментов. Во-первых, нам нужна вся - абсолютно вся! - информация, касающаяся вчерашних событий. Во-вторых, мы не раз замечали, что все явления физики переброса странным образом связаны с людьми, с какими-то их свойствами. Ну, например, в присутствии одного человека эксперимент идет всегда, а в присутствии другого - нет. Вчера в вашем присутствии прошел - пусть неожиданно для нас самих - самый грандиозный эксперимент за всю пятидесятилетнюю историю лаборатории.

Поэтому нам нужны лично вы. Ну и, наконец, как я понял из беседы, вы физик?

- Гео, - поправил его я. - Я геофизик.

- Тем более! - он снова заулыбался. - Геофизика - одна из основных специализаций нашего института. У нас никогда не бывают лишними хорошие специалисты; и уж поверьте, в социальном отношении наш институт весьма отличается от институтов РАН. Соглашайтесь: я уверен, работа будет вам интересна.

Я представил, что чувствует сейчас Юля:

разговор велся так, словно ее и не было в этой комнате.

- А если я откажусь?

Черных пожал плечами.

- Боюсь, что вам в любом случае вряд ли будет разрешено покинуть базу сейчас, - он сказал это без усмешки, даже немного задумчиво, так что я понял: нет, он не издевается, просто констатирует факт.

- Мы можем подумать?

- Почему нет? Конечно. Время не поджидает нас. Надеюсь, в недалеком будущем время вообще окажется у нас... Впрочем, думайте.

Он ушел, прикрыв, но не заперев за собой дверь...

9

...И мы думали. Правда, не о предложении Черных - для меня было очевидно, что я просто не смогу его принять - после того, что было, после Острова, после Города в пене цветущих яблонь...

Где-то во второй половине дня Черных появился снова, но не спрашивал о нашем решении, просто предложил пообедать с ним. Мы не отказывались (есть к тому времени уже действительно хотелось), но после обеда спросили, можем ли мы вернуться на пароход, чтобы провести там ночь.

Черных пожал плечами, не возражая. Было очевидно, что он уверен: скрыться нам не удастся в любом случае.

Часовой на пристани действительно пропустил нас на пароход без вопросов. Мы спустились в крошечную кают-компанию; я вскипятил чай. Разговаривать поначалу не хотелось,

да не о чем было, казалось. И все же понемногу мы разговорились, стараясь избегать темы о нашем будущем. Юля спросила меня о "Персее"

- паровой шхуне, которая вчера на закате вывела нас из тумана к Острову Яблок. Я рассказал ей все, что знал: о том, чем был этот маленький кораблик, как его строили, и как он закончил свою жизнь, возвращая людям вложенную в него при постройке любовь. Окончание истории "Персея" почему-то особенно взволновало Юлю.

- Андрюша, - заговорила она, подумав, - вот скажи, пожалуйста, раньше моряки думали, что у старых кораблей есть душа, что они живые. Я знаю, я в книжках читала. А сейчас?

- Что "сейчас", Юль? - переспросил я.

- А сейчас моряки верят? Ну вот ты, например?

Я усмехнулся.

- Я не моряк, я исследователь.

- Это все равно: ты же плаваешь по морям...

Я задумался. Мне сложно и неприятно, тягостно было бы думать, например, о "Персее" или о нашем стареньком пароходике, не имеющем даже собственного имени, как о бездушных, мертвых железках.

- Наверное, Юль. Да.

- Я вот к чему спрашиваю. Я ведь, - она чуть усмехнулась, - знаешь, я ведь филолог по образованию... Ну, то есть буду филологом... то есть... была бы...

Я хотел было возмутиться таким ее настроением, но она нетерпеливо махнула на меня рукой, словно я мешал ей сказать что-то важное, и я промолчал.

- Я ведь знаю, Андрюш, что вот эти Священные Острова... Острова Яблок... Древние считали, что туда уходят души людей после смерти. Ну, по крайней мере, - души хороших людей. Может быть - как ты думаешь? - может быть, души хороших кораблей тоже уходят куда-то в те края после того, как корабли умирают...

Я промолчал. Быть может, и так...

- Нас убьют? - спросила вдруг Юля.

- Да ты что? - возмутился я. - Да ничего с нами не будет, все нормально, - кажется, голос мой прозвучал все-таки с некоторым оттенком фальши.

Юля кивнула. Как-то неопределенно.

- Там хорошо, ты помнишь? - совсем тихим шопотом спросила она, склоняясь к моему плечу.

- Да. Я помню...

...Мы вышли на палубу, когда солнце уже коснулось ветвей высоченных сосен на берегу и золотило кору их стволов, играло огненными отблесками на мелкой озерной ряби. Было тепло и тихо.

Мы прошли на корму, чтобы быть подальше от часового на пристани; облокотились на перила - на те самые замечательные перила, по которым узнал я некогда в этом пароходике родного брата другого парохода, затонувшего у берега Клязьмы. Я закурил. Мы долго стояли молча.

Прогромыхал и смолк на базе вернувшийся откуда-то грузовик, снова упала тишина. И... что-то изменилось - неуловимо, но явственно. Тишина - она стала другой!..

На сей раз я приветствовал эту печальную предзакатную тишину как старого друга, вернувшегося после долгой разлуки, как весть из родного дома. Видимо, что-то изменилось в моем лице: Юля повернулась ко мне, хотела что-то спросить...

Врата Перехода! Не знаю, откуда всплыла во мне эта фраза, но я понял теперь значение этой тишины, которая всегда была со мной. Путь на Третью Сторону Переброса...

Эта тишина - нет, ощущение этой тишины внутри себя - привело меня в ту загадочную протоку, оно же - теперь я знал это точно - вело меня сквозь туман к Острову Яблок. Быть может...

- Андрюша, что?.. - очень тихо, видимо тоже ощущая магию момента, спросила Юля.

Я наклонился к самому ее уху, чтобы в любом случае нас не расслышал часовой.

- Юленька, я... я должен исчезнуть отсюда, я не могу работать с ними. Ступай на берег. Черных уверен, что я был в третьей стороне один, а уже потом подобрал тебя. Говори ему так же - помыкают, возьмут подписку о неразглашении и отпустят.

- А ты?

- Я... попробую. Наверное, не получится, но... я все равно должен. Ты же знаешь сейчас можно вытащить из человека все, что угодно.

- Андрей, я с тобой!

- Юленька, ведь ничего не выйдет...

скорее всего.

Она вдруг улыбнулась - смело, почти весело.

- Дурашка - ты забыл: обе дороги ведет Туда. Выйдет - не выйдет...

Я медленно распрямился, чтобы не спугнуть ощущение. Прошел на нос, потом на корму - снял со стопора обе швартовочные лебедки. Швартовы чуть провисли, давно не смазанная носовая лебедка чуть скрипнула, - часовой, по счастью, не обратил внимания.

- Эй, приятель! - крикнул я ему. - Я заведу машину, а то аккумуляторы сели совсем: даже лампочки не светят.

Камуфлированный детина махнул рукой:

- Валяй.

Мой старенький пароход словно чувствовал свой последний день, словно хотел прожить его гордо, с достоинством.

Машина заработала сразу, без задержек и без единого сбоя; стальное тело парохода мелко задрожало, готовое к бегу...

Солнце, красным золотом пылавшее меж стволов сосен на береговом всхолмье, коснулось горизонта.

- Закат, Андрюша, - тихо сказала Юля.

- Да. Ступай вниз.

Она снова негромко, почти неслышно засмеялась.

- Нет, что ты - я с тобой.

Я кивнул, соглашаясь.

- Ну, - прошептал я, решаясь, - не подведи, старый. - Я ласково погладил приборную доску.

И резко дернул рукоять хода на себя - на полный, а потом на самый полный.

Машина взвыла, потом взревела; перестук поршней в ее глубинах слился в единый гул. Кэп голову бы оторвал за такой "старт", успел подумать я, и пароход, чуть качнувшись, пошел вперед, быстро набирая ход.

Что-то закричал часовой на пристани. Я оглянулся. Оба швартова разматывались вслед за нами, уходя под воду.

Я повел пароход прочь от причала и начал постепенно закладывать плавный поворот - так, чтобы в конце концов оказаться носом к закату.

Звякнула носовая лебедка и закрутилась, по инерции, в холостую, кончился носовой швартов; за ним последовал кормовой. Часовой на причале перестал орать - видимо связывался с начальством. Потом сквозь грохот машины мы услышали автоматную очередь - отправленную, очевидно, в воздух. Следующая с глухим звоном пробила нашу обшивку - где-то внизу, в районе

ватерлинии. Но это было уже неважно - я достаточно отошел от причала и сейчас заканчивал поворот.

- БГК-186, немедленно остановитесь! - проревел над озером голос с репродукторов базы.

- Щас! - сказал я.

Солнце било уже прямо в носовые стекла рубки. Я еще чуть довернул штурвал - теперь наш пароход на самом полном мчался к береговым утесам.

- БГК-186, немедленно застопорить машину!

Я стиснул штурвал, глядя прямо в лицо скалам, из-за которых лился, заполняя все поле зрения, багряно-золотой закатный свет...

Кажется, этот золотой свет нес запах моря и цветущих яблонь.

1 Фальшборт - часть борта, поднимающаяся над палубой. 1Бак - здесь: носовая часть палубы судна.

1 Шторм-трап - веревочный трап с деревянными перекладинами, опускаемый с борта судна.